

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

19 декабря 2018 г.

№ 309

4 ЛИШЬ БЫ ВОСХОДИЛ ЧЕЛОВЕК!

Стенограмма программы «Право знать» на канале «ТВ-Центр» от 15 декабря 2018 года

12 ЕЩЕ РАЗ О ТОМ, КТО, КАК И ЗАЧЕМ ПЫТАЕТСЯ ПЕРЕИМЕНОВАТЬ РОССИЙСКИЙ ГОРОД КАЛИНИНГРАД

Внимательно разбирая краткую историю попыток переименования Калининграда, можно выявить как западных инициаторов данной инициативы, так и вставших от них в зависимость российских сторонников этого проекта

14 МАСТЕРСТВО ПРОВОКАЦИИ

Кто-то «в верхах» вообразил, что сейчас самое время запустить провоцирующий обострение в обществе «белый проект» и, как часть его, проект «Великие имена России»

Советский коммунизм был подпоркой, позволявшей как-то существовать буржуазному гуманизму, потерявшему способность обходиться без подпорок уже в ходе Первой мировой войны. Подпорка исчезла, буржуазный гуманизм рухнул вслед за коммунизмом...

Сброс

Два моих исследования — «О коммунизме и марксизме» и «Судьба гуманизма в XXI столетии», — говоря спортивным языком, выходят на финишную прямую. Я не знаю, сколько времени продлится финал двух этих интеллектуальных марафонов, и сколь долго я буду бежать по этой финишной прямой. Но очень долго по ней бежать нельзя. И в каком-то смысле вот-вот (вновь подчеркну, что не берусь сейчас наполнять это «вот-вот» каким-либо конкретным содержанием) эти два моих исследования будут завершены. Мне кажется, что вначале будет завершена «Судьба гуманизма», а потом уже исследование, посвященное коммунистической проблематике. Но опять-таки зарекаться здесь я не берусь. Потому что такие исследования не выстраиваются тобой в определенном ключе, а напротив, сами тебя тянут в определенную сторону, заманивают в потаенные уголки, пытаются загнать в ловушки.

Такие исследования — это личности, с какого-то времени начинающие существовать отдельно от тебя. И можно лишь угадывать, чего они от тебя хотят, руководствуясь особой интеллектуальной интуицией, на которую возлагал огромные надежды сам Гуссерль и его последователи, развивавшие так называемый феноменологический метод. Я уже обсуждал этот метод и его корифеев (Гуссерля, Рикёра и других), пытаюсь объяснить, в чем состоят неотменяемые ограничения любого понятийного метода и почему возможен интеллектуализм, опирающийся не на понятия, а на особые образы, символы, аналитические метафоры, на попытки целостного интеллектуального восприятия особых частных и обнаружения связей этих частных с чем-то общим. Причем такого обнаружения, при котором частности не разрушаются, а продолжают существовать в своей целостной первозаданности.

Обсуждая это и отказываясь вдаваться в методологические детали, отвергая соблазн, связанный с таким вхождением в детали (а соблазн этот был для меня велик), и по возможности концентрируюсь в основном на предмете, а не на методе, который я с давних пор называю целостным, а не системным анализом, я вспо-

минал своих друзей, которые не столько исходили из подобной методологии доктринально, сколько жили естественной интеллектуальной жизнью, сообразуясь с этой методологией, плавали в ней, как рыбы в воде.

Про такое воспоминание Гёте говорил, именуя его встречей с улыбочными тенями. Гёте не раскрывал подробности этих встреч, которые происходят в момент создания определенных текстов. Я сейчас занят написанием текста, позволяющего решить задачу наведения определенных интеллектуальных мостов — между исследованием и его особой финальной частью, между разными исследованиями, посвященными, казалось бы, отличным друг от друга предметам. И эти тени возникают как бы из создаваемого текста. Одна из этих теней — умерший во цвете лет талантливый молодой геолог, веселый, разносторонний и до безумия влюбленный в свою профессию.

1970 год... Якутия... Большой барак посреди тайги (такой барак называют полевой камералкой, то есть местом, где геологи оформляют результаты своих полевых замеров)... Молодой геолог, чья жизнь трагически оборвется через несколько лет, рисует геологическую карту, оформляя результаты своих полевых маршрутов. Рисуя эту карту, он шепчет: «Кто ты? Ты разлом. Ах вот в какую игру ты со мной играешь! Ты прячешься? Нет, миленький, я тебя найду, я не поддамся на твои заигрывания. Я знаю, что ты идешь не налево, а направо. Ты от меня не спрячешься. Ах вот какое ты выкидываешь коленце! Думаешь, я совсем дурак и не пойму, что ты мне морочишь голову? А я, мой миленький, хоть и дурачок, но не совсем. Ну покажи, покажи мне свой настоящий хвостик!»

К сведению тех, кто совсем не знаком с геологией (а таково большинство читателей), сообщаю, что геологический разлом фактически ничем не отличается от места, где сломалась, то бишь сместилась, кость или опять-таки сломалась, то бишь сместилась, какая-нибудь доска или стена. Просто ломаются не такие малые материальные объекты. Под огромным давлением за огромные сроки смещаются напластования геологических пород, и в месте их смещения образуются месторождения тех или

иных полезных ископаемых. Геологическая карта — это творческая интерпретация сделанных замеров: «Вот здесь выходят на поверхность одни пласты, а тут другие». Замеров не так много. И пойдя еще раз-берись, изогнулся пласт или его порвало огромное напряжение, создаваемое теми или иными очень медленными и могучими геологическими процессами.

Геолог, создающий целостную картину сосуществования различных пластов и выявляющий место, где проходит разрывающий эти пласты разлом, ничем, по сути, не отличается от следователя, восстанавливающего картину преступления и пытающегося по этой картине восстановить образ преступника. Геолог, решая эту задачу, взаимодействует с сущностью под названием «разлом» и разговаривает с нею, задавая ей вопрос о том, кто же она такая и куда прячется. А следователь разговаривает с сущностью под названием «преступник», задавая ей вопрос, кто она такая и куда прячется.

Я отлично понимаю разницу между преступником, то есть человеком, наделенным разумом, характером, психотипом, целеполаганием и так далее, — и разломом, который всего этого лишен начисто. Но исследователь разговаривает с любой сущностью, которую он исследует, коль скоро эта сущность прячется и ее надо обнаруживать. Эта сущность может иметь или не иметь разума, обладать или не обладать способностью к автономному поведению. Но какова бы ни была эта сущность, исследователь, разбираясь в том, что она скрывает, ведет себя с нею одним и тем же способом.

Является ли этим исследователем некий Шерлок Холмс, анализирующий поведение разумного преступника...

Является ли таким исследователем охотник-следопыт, описанный, например, Фенимором Купером, напряженно следящий за поведением как бы неразумного, но очень хитрого и коварного зверя...

Является ли таким исследователем геолог, вопрошающий разлом, или физик, разгадывающий загадки той или иной элементарной частицы...

Продолжение на стр. 2

ISSN 2500-0330

9 772500 033000

18309

>

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Продолжение. Начало — на стр. 1

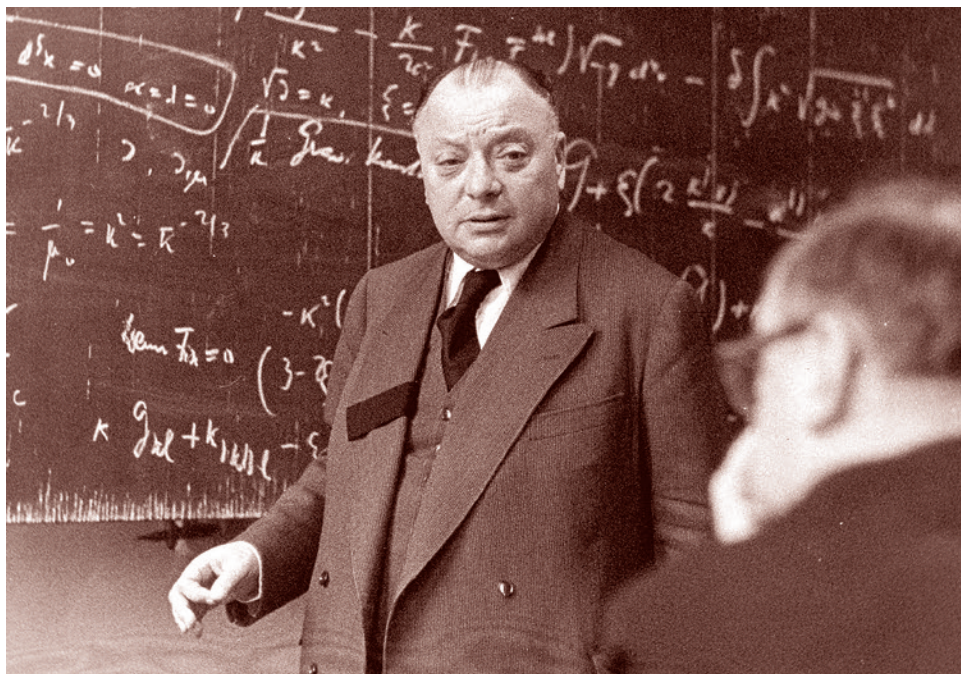
В каждом из этих случаев поисковый метод разгадки тех или иных загадок, задаваемых человеком, зверем или природой, скрывающей то или иное месторождение, основан на одном и том же — на своеобразном разговоре с разгадываемой сущностью. Разговор этот ведется вне зависимости от того, принадлежит ли она к миру разумных существ, миру доразумной живой природы или к миру природы неживой, но столь же загадочной и ускользающей от взгляда естествоиспытателя.

Альберт Эйнштейн говорил, что он исследует физический мир только для того, чтобы разгадать мысли творца, который этот мир создал. Я понимаю, что такой метод отличается от обычного научного метода, основанного на том, что есть исследующий нечто субъект и есть это нечто как объект. И что всё основано на неспособности объекта уподобиться субъекту и начать собственную интеллектуальную игру. И что как только объект, превращаясь в субъект, начинает такую игру, наука превращается в гораздо более сложную интеллектуальную процедуру, которую именуют Игрой. Казалось бы, такое возможно, только если исследователь разгадывает загадки поведения существа, обладающего той же природой, что и он, то есть загадки человеческого поведения.

Понятно, что именно так ведет себя преступник, скрываясь от следователя... Но может ли так вести себя атом, скрываясь от частиц, бомбардирующих его по воле исследователя?

Казалось бы, не может. Но эта невозможность носит абсолютный характер в случае, если исследователь взаимодействует с обычным, классическим миром, каковым для физики является так называемый ньютоновский мир. Впрочем, и тогда можно говорить о разгадываемых «мыслях бога», которые отпечатаны в этих самых как бы бездушных атомах. И говорил об этом не только Альберт Эйнштейн, которого считают создателем мира, альтернативного ньютоновскому, и который на самом деле сделал всё возможное для того, чтобы спасти ньютоновскую классику, но и сам Исаак Ньютон. А как только мы из так называемого классического мира, который я считаю нужным именовать ньютоновско-эйнштейновским, переходим в неклассический мир квантовых парадоксов (Эйнштейн квантовую механику так и не принял, заявив, что ему известно из первоисточника, что Старик не играет в кости), то поди разберись, в чем состоит подлинная природа взаимоотношений исследователя с квантовым волновым пакетом. Прячется ли этот пакет от исследователя, подлаживается ли он под его процедуры, дурача исследователя, или ведет себя автономно от исследователя, — это открытый вопрос, на который каждый из великих физиков, включая нобелевских лауреатов, отвечал по-разному.

Возьмем хотя бы швейцарского физика-теоретика Вольфганга Паули (1900–1958), лауреата Нобелевской премии, первооткрывателя загадочного нейтрино, тесно взаимодействовавшего с психологом Карлом Юнгом, занимаясь так называемым духом материи, а также понятием «синхроничность». На самом деле для Паули вопрос о том, обладает ли его нейтрино субъектностью, какой-то особой разновидностью мышления, какой-то соричностью духу или тому, что с давних пор называется *unus mundus* (единственный мир), не имел однозначного ответа. И Паули мучился, пытаясь этот ответ получить и обращаясь за помощью в том числе к Юнгу, пытавшемуся заглянуть в те глубины человеческого мира, в которых собственно человеческое соединяется и с космосом, и с чем-то еще более объемно загадочным. Известная притча по поводу Паули, которую сочинили его друзья и соратники, звучит так: «После смерти Паули требует встречи с Богом. Добив-

Вольфганг Паули

шись этой встречи, Паули спрашивает Бога, почему так называемая постоянная тонкой структуры, она же — постоянная Зоммерфельда, будучи фундаментальной физической постоянной и характеризуя силу электромагнитного взаимодействия, равна одной сто тридцать седьмой. Тут главное именно это «почему». Паули проявляет на том свете такую настойчивость, что Бог идет к доске и начинает писать одно уравнение за другим. Паули сначала приходит в восторг, но потом находит ошибку и начинает резко критиковать Бога, обвиняя его в написании совершенно неверных уравнений».

Согласитесь, такие притчи при всех их внешней шутовности на самом деле говорят об особых формах взаимодействия настоящих исследователей даже с тем, что привычно именуется неживой материей. Что уж говорить о более сложном!

Однако я сейчас поднимаю перед читателем эти общие вопросы вовсе не затем, чтобы нырнуть в особо фундаментальную проблематику, сопряженную с ответом на эти вопросы (притом что окончательный ответ тут в принципе невозможен). Я всего лишь хочу подчеркнуть, что создаваемый текст для меня ничем не отличается, скажем так, от того, чем было нейтринно для Паули или профессор Мориарти для Шерлока Холмса.

Текст для меня — это сущность, развивающаяся по своим законам и играющая в свои игры с тем, кто эту сущность как бы создает. В частности, текст спрашивает: «А ты точно уверен, что ты меня создаешь? Ведь, может быть, это я создаю тебя в каком-то смысле? Или мы оба создаем друг друга?»

Общаясь с создаваемым текстом, вы можете, опираясь на определенную интуицию, угадать, что выходите на финишную прямую. Но вы не можете определить ее длину, ее траекторию и многое другое. Я знаю, что выхожу на финишную прямую, но не знаю, какова она. Значит ли это, что я ничего не знаю? Нет, конечно.

Я знаю, например, что пора перебраться мост между основным исследованием и тем, что я называю его финишной прямой. А также мост между двумя разнородными исследованиями, проводимыми мною фактически параллельно.

А еще я знаю, что такой мост должен быть простым, и в каком-то смысле сводиться к одному слову. Как минимум он должен быть резко проще, чем само исследование и его финишная прямая. И я знаю, что такая простота должна родиться на стыке самого исследования и финишной прямой — не раньше, но и не позже.

Я знаю, наконец, что мост может, а в каком-то смысле даже и должен обладать иной природой, чем основной текст.

Вначале о такой простоте.

Она для меня сводится к одному слову — сброс.

Я не спрашиваю себя и других, имеет ли место этот самый сброс. Я его вижу воочию и всё тут. Не видел бы я его воочию — может быть, вся моя жизнь выглядела бы иначе. Я занимался бы не тем, чем занимаюсь, я относился бы к происходящему не так, как отношусь. Но я этот самый сброс не просто осознаю, я его именно вижу.

Что я имею в виду под сбросом?

Я имею в виду крах коммунизма как определенной модели восхождения человека. Модели, предполагающей, что человек восходит к новому человеку. И что для этого восхождения нужны определенные социальные, культурные и прочие условия. Они же — коммунистическая мироустроенность, жизнеустроенность, коммунистическая духовность и так далее.

Крах этой коммунистической модели восхождения наложил на предшествующий крах другой сходной модели — общегуманистической. Она же — буржуазно-гуманистическая модель. Она же — крах проекта Модерн.

Этот крах фактически произошел в ходе Первой мировой войны. Но тогда данная модель не рухнула, как дом, полностью потерявший устойчивость и прочность. Почему не рухнула? Потому что ее, что называется, подперла коммунистическая модель. Именно поэтому все великие гуманисты XX века очень трепетно относились к советскому коммунистическому эксперименту, надеясь, что коммунисты обеспечат некое восхождение человека к тому, что они называют новым человеком, или хотя бы посылат в души отчаявшихся людей надежду на возможность такого восхождения.

Что же касается отчаявшихся людей, то они нуждались в другой модели, и им она была предоставлена. Кем? Гитлером и его оккультными мудрецами. Они предоставили человечеству некую модель нисхождения. Она же — яростный антигуманизм. Она же — метафизика воли к власти. Она же — вечное возвращение Ницше.

Отчаявшиеся люди начали реализовывать эту модель как всемирную и безальтернативную. Они сильно преуспели в этом, но натолкнулись на людей, вдохновленных новой надеждой на восхождение. Человечество отчаяния, вкушившее нацизма как квинтэссенции некоего черного нисхождения, столкнулось с человечеством надежды, оно же — человечество, вдохновленное великим идеалом восхождения к новому человеку.

Человечество отчаяния было временно побеждено человечеством надежды. Эта победа и есть победа советского народа в Великой Отечественной войне. В авангарде человечества надежды стоял имен-

но советский народ. Но он повел за собой очень и очень многих.

Преступление Хрущева и его поделников состояло даже не в том, что они разоблачили так называемый культ личности Сталина, и даже не в том, что они его «разоблачили» безобразнейшим образом, выведя себя из зоны критики, не проанализировав сколь-нибудь глубоко природу того, что они разоблачали, не озаботившись проблемой травмы такого разоблачения. Настоящее преступление Хрущева (притом что то, что я перечислил выше, тоже преступно) состояло в том, что коммунистическая модель, в которой человек должен восходить к новому человеку, то есть модель духовного коммунизма, была тихой сапой отменена и заменена тем, что Эрих Фромм справедливо назвал гуляш-коммунизмом. Вместо восхождения к новому человеку было прямо сказано, что цель социализма (привожу прямую цитату из программы КПСС, принятой хрущевцами на XXII Съезде КПСС в 1961 году) — «всё более полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей народа путем непрерывного развития и совершенствования общественного производства».

Не было сказано не только о восхождении человека к новому человеку, не было сказано даже о духовных потребностях народа. Всё свелось, во-первых, к материальным и культурным потребностям. И, во-вторых, к их удовлетворению за счет развития и совершенствования производства — пусть общественного, неважно, но производства. А какие потребности может удовлетворить рост любого производства? Конечно же, в первую очередь материальные. И все понимали, что речь идет именно об этих потребностях, об их всё более полном удовлетворении при социализме. А при коммунизме?

Воспевая коммунизм, во второй части программы КПСС, принятой на XXII съезде, партия в лице ее хрущевских идеологов фактически ничего не сказала о человеческом восхождении, о том, как оно будет происходить, какую будет иметь целевую направленность. Всё это было подменено набором общих слов по поводу того, что при коммунизме не будет классов, а также напористой, нахрапистой вульгарной декларативностью, согласно которой главное состоит в том, чтобы построить материально-техническую базу коммунизма. А всё остальное, мол, приложится автоматически в условиях подобного построения. Соответственно, говорилось обо всем: о задачах партии в области построения этой самой материально-технической базы (запомнили? — материально-технической), о задачах партии в области подъема материального благосостояния народа (запомнили? — материального благосостояния), о задачах партии в области государственного строительства, национальных отношений, о задачах партии в области сотрудничества с соцстранами, о совершенствовании самой партии.

Помимо этого нечто было предложено в преамбуле ко второй части Программы (это нечто называлось «Коммунизм — светлое будущее всего человечества»). А также в пятом разделе второй части этой Программы. Раздел назывался «Задачи партии в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры». Там было сказано и о создании подлинного богатства духовной культуры, и о воспитании нового человека в процессе активного участия в строительстве коммунизма. Но это строительство нового человека было спущено на тормозах и подменено формированием у человека научного мировоззрения, трудовым воспитанием человека, утверждением морали, развернутым аж в целый Моральный кодекс строителей коммунизма, развитием пролетарского интернационализма и социалистического патриотизма.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Когда же речь дошла до всестороннего и гармонического развития человеческой личности, то всё свелось к:

- преодолению пережитков капитализма в сознании;
- избыванию этих капиталистических пережитков прошлого;
- некоему предоставлению больших возможностей в том, что касается некоего приобщения к чему-то хорошему;
- сокращению времени на материальное производство;
- преодолению религиозных предрассудков за счет укрепления научно-материалистического понимания без оскорбления чувств верующих, но с разоблачением фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах.

Короче, уже на XXII съезде стало ясно, что никаких фундаментальных новых целей у советских коммунистов нет, что всё, кроме роста материального благосостояния, забалтывается и пробалтывается и что реально речь идет только об этом самом благосостоянии, то есть об определенном варианте потребительского общества. В котором потребитель будет иначе обихожен, а потребляемое будет иначе распределено. А когда потребителя иначе обихожают и иначе распределяют потребляемое, а само это потребляемое станет «восхитительно огромным», то все остальные проблемы решатся сами собой.

Недавно я давал интервью датскому журналисту. И натолкнулся на необходимость переводить на английский Фроммовское словосочетание «гуляш-коммунизм». Поди еще разберись, что такое гуляш по-английски! Журналист, поняв, над чем я мучаюсь, сказал, что не надо специально переводить это словосочетание, что весь мир понимает, что такое «гуляш-коммунизм». И что в тот момент, когда на XXII съезде была принята

соответствующая программа, все поняли, что коммунисты отрекаются от решения на практике задачи восхождения человека к новому человеку. Что тем самым коммунистический духовный проект отменяется. А без него этот самый коммунизм начнет умирать стремительно. Потому что советское общество потребления не выдержит конкуренции с западным обществом потребления.

Программа КПСС была принята в 1961 году. А в 1965-м вышло произведение Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Авторы написали это произведение в 1964 году. Разрыв между принятием программы партии и написанием произведения минимальный, но за это время происходит снятие Хрущева. Причем после этого снятия потребительская модель коммунизма не только не корректируется в сторону духовности, но и приобретает фактически абсолютный характер. Стругацкие с высокомерной иронией говорят о создании или, точнее, выведении нового вида «шариковщины» и о том, что это подменило собой проблему нового человека, подмяло ее под себя, растворило в бурном росте хищной пожирательности.

Уже тогда Стругацкие фактически ликут, говоря о скором крахе коммунистической «потребилки», ухитрившейся вывести новую модель совка-потребителя, который в обсуждаемом произведении именуется его создателями кадавром.

Создатель кадавра Выбегалло, этаким новым профессор Преображенский, лишенный каких-либо привлекательных черт, которыми Булгаков все-таки наделял создателя предыдущей модели гностического недочеловека Шарикова, так описывает своего кадавра:

«Главное — что? — с готовностью провозгласил Выбегалло. — Главное, чтобы человек был счастлив. Замечаю это в скобках: счастье есть понятие человеческое. А что есть человек, философски говоря? Человек, товарищи, есть хомо сапиенс, который может и хочет. Может, эта, всё, что хочет, а хочет всё, что может. <...> Ежели он, то есть человек, может всё, что хочет, а хочет всё,

что может, то он и есть счастлив. Так мы его и определим. Что мы здесь, товарищи, перед собой имеем? Мы имеем модель.

Но эта модель, товарищи, хочет, и это уже хорошо. <...> И еще, товарищи, вы сами видите, что она может. И это еще лучше, потому что раз так, то она... Он, значит, счастливый. Имеется метафизический переход от несчастья к счастью, и это нас не может удивлять, потому что счастливыми не рождаются, а счастливыми, эта, становятся. Вот оно сейчас просыпается... Оно хочет. И потому оно пока несчастливо. Но оно может, и через это «может» совершается диалектический скачок. Во, во!.. Смотрите! Видали, как оно может? Ух ты, мой милый, ух ты, мой радостный!.. Во, во! Вот как оно может! (Кадавр, проснувшись, начинает обжираться — С.К.)

Минут десять-пятнадцать оно может <...> здесь мы имеем процесс... здесь у нас всё в движении! Покой у нас, как и полагается быть, относителен, движение у нас абсолютно. Вот так. Теперь оно смогло и диалектически переходит к счастью. К довольству, то есть. Видите, оно глаза закрыло. Наслаждается. Ему хорошо. Я вам научно утверждаю, что готов был бы с ним поменяться. В данный, конечно, момент... <...> Вот теперь оно дремлет, но это еще не всё.

Потребности должны идти у нас как вглубь, так ивширь. Это, значит, будет единственно верный процесс. <...> Выбегалло, мол, против духовного мира. Это, товарищи, ярлык. Нам, товарищи, давно пора забыть такие манеры в научной дискуссии. Все мы знаем, что материальное идет впереди, а духовное идет позади».

Наивным людям могло казаться, что Стругацкие критикуют советский крен в потребительство. Но на самом деле они любовались кадавризацией, запущенной творцами гуляш-коммунизма. Они знали, что эта кадавризация станет смертью коммунизма, причем эта смерть не за горами. Назовите эту кадавризацию иначе: потребительством, омерзанием, обществом «ням-ням». Тут важно, что она была запущена и она сработала. Сработав, она — конечно же, при помощи врагов коммунизма, запустивших этот процесс, — убила и советское общество, и советское государство. Но этим всё не закончилось. Советский коммунизм был подпоркой, позволявшей как-то существовать буржуазному гуманизму, потерявшему, как я уже говорил, способность обходиться без подпорки уже в ходе Первой мировой войны.

Подпорка исчезла, буржуазный гуманизм рухнул вслед за коммунизмом. Ибо, повторю еще раз, без подпорки он не мог сохранять устойчивость, а подпорка... того... приказала долго жить.

Соответственно, буржуазный гуманизм, он же — гуманизм Модерна, завалился следом за коммунизмом.

Иначе говоря, следом за декоммунизацией произошла дегуманизация. Но на этом всё тоже не остановилось. Сброс — это лавина, которая сметает всё на своем пути.

Следом за декоммунизацией и дегуманизацией произошла дехристианизация, которую Иоанн Павел II, борющийся с коммунизмом, назвал пришествием цивилизации смерти. Следом за дехристианизацией завалились все мировые религии. Кроме ислама, который не завалился, а мутировал, но всё в том же антигуманистическом ключе. То есть превратившись из великой мировой религии под названием ислам в некий сконструированный исламизм. Притом что авторы этой конструкции — всё те же организаторы сброса.

Столь же активно заваливается всё патриархальное общество, даже в его условно языческих вариантах.

По всему миру триумфально шествует культ золотого тельца, ошибочно принимаемый за капитализм (хоть бы и загнивающий, но якобы всё же капитализм). На самом деле капитализм, взращенный в недрах протестантизма и иудаизма, яростно противостоявший культу золотого тельца, уже умер в своем иудейско-протестантском, совместимом с гуманизмом классическом варианте. Отсутствуют все слагаемые такого классического капитализма. Нет частной собственности в ее капиталистическом варианте — ее место занимают какие-то странные фонды, где у кого-то есть аж два процента акций (а то и меньше). Нет классической буржуазной семьи. Нет буржуазной нации, буржуазного суверенитета, буржуазной морали, буржуазного права. Всё это разрушается и подменяется какой-то иступленной деструктивной оргиастичностью, фундаментально извращенческой по своей сути. Напрямую говорится о:

- конце гуманизма;
- конце истории;
- конце проекта «Человек».

На первый план выступает опять метафизика воли к власти. Но она на этот раз является не учредительницей нового мирового порядка, о котором говорил Гитлер, а учредительницей нового мирового беспорядка.

Всюю восхваляется хаос. Его изучают, пестуют, используют.

Всё это вместе и представляет собой фундаментальный сброс, порожденный крахом советского коммунизма, советского общества и советского государства.

И уверяю вас, если всё сводить к одному слову и понимать значение этого слова, то квинтэссенцией нашей новой фундаментальной ситуации является именно этот сброс. Если понимаете, что такое сброс, то всё остальное становится достаточно ясно.

Я этот сброс просто вижу. И поскольку я вижу его как предельный вызов, то и исследование коммунизма, и исследование судьбы гуманизма порождены не моим стремлением к теоретическим изыскам, а стремлением разобраться в этом сбросе по существу.

Заявив об этом, я начал перекидывать мост между своими исследованиями коммунизма и гуманизма, и той их финальной частью, которую я называю финишной прямой. Одновременно я начал перекидывать мост между двумя исследованиями — коммунизма и гуманизма. Но для того, чтобы мост был сформирован до конца, нужен текст иной природы, нежели то, что я написал до сих пор и буду писать после выхода на финишную прямую.

Таким совсем другим текстом для меня случайно стал разговор на одной из многочисленных телепрограмм, в которых я участвовал. Почему-то эта программа резко отличалась от других и породила искомым мною политический, полемический «совсем другой текст», с которым я бы хотел сейчас ознакомить читателя. Причем предлагаю ему ознакомиться и с этой моей развернутой преамбулой, и с этим текстом.

После такого ознакомления начнется обещанное мною читателю движение по так называемой финишной прямой.

Сергей Кургинян

Иоанн Лундбю. Охотник с собакой. 1845

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Стенограмма программы «Право знать» на канале «ТВ-Центр» от 15 декабря 2018 года

Лишь бы восходил Человек!

Дмитрий Куликов:

Добрый вечер, это программа «Право знать» на канале ТВ-Центр и ее ведущий Дмитрий Куликов. Сегодня у меня в гостях лидер общественного движения «Суть времени» Сергей Кургинян. Добрый вечер, Сергей Ервандович.

Сергей Кургинян:

Добрый вечер.

Дмитрий Куликов:

Эту программу мне помогут провести мои коллеги: Зигмунд Дзенчаловский, Максим Юсин, Александр Сосновский и Искандер Хисамов. У меня складывается такое ощущение, особенно сильно за последнюю неделю, Сергей Ервандович, что Украина крайне близка к тому, чтобы выполнить свое главное функциональное предназначение — послужить бикфордовым шнуром для бомбы, которая в ее виде закладывается под евразийский континент и прежде всего под отношения России и Европы и под то, чтобы максимальный вред нанести России. Слишком они близки, чтобы эту спичку зажечь. А Вы как считаете?

Сергей Кургинян:

Я знаю, что есть большое сосредоточение войск в районе ЛНР и ДНР, там действительно этих войск много, их достаточно, чтобы начать наступление. Их больше, чем было. Они сосредоточены в нескольких ударных кулаках, но это так же может значить имитацию, попытку очень дорогой театральной постановки, как и реальный рывок. Мне кажется, что это 50 на 50.

Дмитрий Куликов:

Понятно, но если объективную сторону процессов анализировать, слишком уж, на мой взгляд, эта объективная сторона толкает и американцев, и Порошенко к тому, чтобы такое решение принять.

Сергей Кургинян:

Вы знаете, я никогда не был сторонником того [распространенного взгляда], что «англичанка гадит». Я считаю, что сейчас у Великобритании достаточно много внутренних проблем, чтобы [продолжать] заниматься мировой политикой так, как она занималась в лучшие свои эпохи. Но тем не менее я не могу не обратить внимание на то, что роль Великобритании на Украине всё более и более серьезная.

Вначале я обратил внимание на то, как часто «Четем-хаус» — лондонский институт международных исследований королевский — пишет доклады по поводу Украины. «Украина в огне» и так далее. Потом я обратил внимание на то, что какие-то особые информационные войска [появились]. А теперь мне кажется, что это стратегия так называемого дожима, не провокации, а дожима. Украина делает так, что если Россия отвечает, то начинается огромный вопль и какие-то большие неприятности, а если Россия не отвечает, то урон при этом огромен, а Украина делает следующий шаг к еще большей радикализации. Эта стратегия «дожимов» — она очень английская, хотя в американской практике она известна как стратегия анаконды. Но это очень классическая вещь,

и то, что произошло в связи с этим буксиром и сопровождавшими его катерами, это очень сильно отдаёт именно этой стратегией.

Поэтому я бы обратил внимание, что, хотя в целом, подчеркиваю, первое, я никогда не считал, что «англичанка постоянно гадит», с большим уважением относился к Великобритании как к стране, в которой существуют Редьярд Киплинг и другие, к стране великой культуры, Шекспира и др., во-вторых, никогда не считал, что ей сейчас есть дело до своих таких крупных британских игр, но тем не менее вынужден признать как человек, который анализирует просто практическую ситуацию, что роль Британии конкретно на Украине, конечно, больше сейчас, чем Германии и даже, о ужас, Соединенных Штатов. По крайней мере, Соединенные Штаты готовы к тому, что отдать ей подряд или субподряд на действия на Украине. И эти действия носят вот такой характер, как я сказал. Это не стратегия провокации, а стратегия дожимов-ответов, дожимов-ответов. Мне кажется, что ситуация такая, и в связи с ней могут возникать и даже крайне высоковероятны обострения.

Дмитрий Куликов:

Тем более, если вспомнить традицию, а в Британии традиция невероятно сильна. Так называемая Крымская война XIX века, когда Англия чужими руками наносила удары. И Русско-японская война. Это не принято обсуждать, но Русско-японская война 1904–1905 годов была абсолютно инспирирована, и Япония была руководима Великобританией.

Сергей Кургинян:

Там она была инспирирована. Что касается Крымской [войны], то они [англичане] положили там цвет своей аристократии, молодежь свою. Поэтому [нельзя] сказать, что она была совсем без ее [Великобритании] участия. Она была с участием, конечно.

Максим Юсин:

Сражение при Балаклаве, где тысячи англичан погибли.

Дмитрий Куликов:

Сначала они думали, что обойдутся одной Турцией. Потом пришлось влезть. И не только при Балаклаве, а еще был Петропавловск-Камчатский, где адмирал Прайс застрелился.

Максим Юсин:

В Петропавловске-Камчатском было всего пятьсот англичан и французов вместе взятых (личный состав англо-французской эскадры, подошедшей к Петропавловску 29 августа 1854 года, насчитывал 2700 человек: 2200 чел. — экипажи кораблей, 500 чел. — специально подготовленные десантники. — прим. ред.), а в Балаклаве у них потери были о-го-го!

Сергей Кургинян:

Я хочу сказать, это был золотой век британской имперской политики. Я не хочу ничего плохого сказать про американцев, но мне, конечно, кажется, что британская

элита продолжает держать самый высокий интеллектуальный уровень в англосаксонском обществе. Все-таки американцы проще и грубее, чем англичане. По этому поводу мне сказал нечто ценное — если кто знает такого человека, наверное, должны знать — Рафи Эйтан. Рафи Эйтан — это такой легендарный израильский разведчик, который вывозил Эйхмана из Латинской Америки, а затем занимался много чем: Поллардом и всем остальным, потом даже был министром по делам пенсионеров и так далее, и тому подобное. Он мне говорил: «Смотри, что делают американцы: он приехал, этот черзэшник, куда-нибудь в Колумбию, чуть-чуть там порешал — уехал в Сирию, чуть-чуть порешал — это плохо. А англичанин приедет, сядет, пока его зад и стул не срастутся вместе, он не уедет». Он делал паузу и говорил: «Империя — это когда хотят всё знать».

В этом смысле, конечно, глубокого уважения заслуживает «Четем-хаус». Тойнби — это один из людей, которого я читал с невероятным вниманием — его концепцию нарратива и всё прочее. Сейчас, конечно, всё опростило. Всё сильно опростило. А главное, много головных болей: Терезе Мэй надо удержаться на поверхности, «брексит» и всё прочее. Но тем не менее присутствие Великобритании конкретно на Украине большое, растущее. И американцы близки к тому, чтобы передать ей некий субподряд. А она, соответственно, действует традиционной стратегией дожима. Делают так, что надо отвечать. Отвечают — истерика. Не отвечают — дело еще хуже.

Дмитрий Куликов:

К этому моменту, к этой схеме. Почему и напрашивается эта провокация или следующий этап дожима, следующая провокация. Масштабы ее могут быть разными, я здесь не берусь гадать. Но я точно понимаю, что это, как ни странно, может быть связано с тем же самым «брекситом» и уходом Великобритании из [объединенной] Европы. Потому что главная результирующая направлена, по моему ощущению, на крах самой Европы от всего этого — ведь это же [для США] замечательно!

Провокация с катерами — сильнейший удар по проекту «Северный поток» — они думают, что они нанесли. Кстати, будет следующая провокация — можно будет к следующему перейти: разрушить полностью торговлю между нами и Европой. Что будет с Россией? Да, мы понесем потери, это понятно. Но для Европы, например, блокада торговли энергоносителями — это разрушение всего хозяйственно-экономического уклада. В принципе, в американские, британские руки падает рынок, исчезает конкурент, возникает прекрасный форс-мажорный повод, на который можно списать общее состояние кризиса финансово-экономической системы, которой они руководили 40 лет последние в мире.

Сергей Кургинян:

Я считаю, что любое объединение России и Европы (России и Германии прежде всего) и какие-то совместные диалоги являются смертельной опасностью для Соединенных Штатов. И Соединенные Штаты реально это так рассматривают.

Реальная доктрина Соединенных Штатов проста, прошу прощения, как мычание.

Она состоит в том, что любая страна, которая приближается к позиции, с которой она может бросить Соединенным Штатам системный вызов — экономический, политический и так далее — является главным врагом. Вне зависимости от того, является ли она [страна] демократической, авторитарной, любой другой. Главное — может ли она подойти к позициям, которых она может бросить вызов, только приблизиться к ним.

Естественно, что объединение континентальной Европы и России — это создание некоего субъекта, который может бросить любой вызов. Поэтому это рассматривается как главная системная угроза. И всегда все мировые войны и все неприятности осуществлялись, в том числе, в связи с этими параметрами: какая-нибудь дорога Берлин–Багдад или эти трубопроводы, неважно, как это называется, но как только возникает объединение континентальной Европы. Я не сторонник хаусхоферовской геополитики, но факт остается фактом: как только такое объединение [России и Европы] намечается, возникает очень мощный субъект.

Напомню, что Трамп намекал уже прямо Макрону на то, что его неприятности связаны с тем, что он заявил о европейской армии, это уже сказано прямым текстом. И это естественно. Кроме того, республиканцы, например, они вообще рассматривают Европу как большое зло. И религиозные группы рассматривают, в отличие от демократов американских, которые как раз согласны на какой-то диалог с Европой. Республиканцы жестко к этому относятся. Крайние позиции, с которыми я сталкивался, заключаются в том, что мировое зло отсюда и придет, это будет президент Европы. Он будет очень нехороший, даже не буду описывать, насколько, потому что тут речь идет о протестантских группах, которые достаточно далеко идут в своих оценках. Но речь идет вообще о мировом зле. Поэтому я бы не сказал, что для всех американских групп, британских тем более, континентальная Европа — это естественный союзник. Это не так, это действительно не так.

Дмитрий Куликов:

Сергей Ервандович, вы два раза сказали — в общем виде, а потом конкретно сказали: американцы попроще, понаглее и пожестче. И вот вы упомянули, как Трамп публично ставил на место Макрона, провел публично связь (вообще — неприкрытый, конечно, шантаж) между «желтыми жилетами» и желанием создать армию. Трамп на это указал прямо.

Вот вчера американский сенат собрался и сказал: да, мы знаем, что за убийством Хашогги стоит наследный саудовский принц. Это первым [пунктом] они сообщили, а вторым они сообщили, что развитие взаимоотношений в разных сферах от вооружений до энергетики между Саудовской Аравией, Китаем и Россией порождает для Саудовской Аравии очень большие риски. Это всё — в одной резолюции. Вот если вы будете развивать отношения с Россией и Китаем — значит, принц сядет. Если не будете, то мы просто знаем о том, что он виноват.

Теперь, конечно, взятие в заложники прекрасной дамы из китайской Huawei [дочери основателя китайской компании Huawei Мэн Ваньчжоу]... Это прямо и публично объявлено — она взята в заложники.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Это теперь метода такая, она теперь принята. Как Вы считаете, это пойдет на пользу США? Они смогут свою власть укрепить таким способом — то есть перейдя к открытому давлению, шантажу, открытой силе? Или это не будет им на пользу?

Сергей Кургинян:

Соединенные Штаты не могут упустить статус державы № 1 и эмитента главной валюты мира. Если они упускают эти два статуса, они падают не на второе место в мире, а на третье-четвертое. А народ очень раскормлен, капризен, и в этом смысле такое падение породит большие неприятности для американской власти. Поэтому, во-первых, этого нельзя допустить объективно — с точки зрения интересов всей американской элиты. А во-вторых, англосаксы власть не отдают. Это закон такой — не отдаем, и всё.

Дмитрий Куликов:

А в данном случае мировую власть.

Сергей Кургинян:

Я вспоминаю, что Александр Зиновьев в одном из своих произведений писал, что секретарь обкома в бункере не удушится — он скорее всех удушит. Так вот, смысл здесь заключается в том, что англосакс не удушится, он скорее всех удушит, он власть не отдаст.

Поэтому, во-первых, это такая метафизическая позиция: власть не отдают, за нее держатся до конца любыми средствами. А во-вторых, это реальные интересы, они не могут ее отдать. Тем не менее они слабеют, и совершенно ясно, что евроцентрический мир кончился в 1945 году, в 1949-м — окончательно — как только признали Индию, а это — Рузвельт, это он так Британскую империю уничтожил и разрушал беспощадно. Черчилль на коленях стоял, чтобы он это не делал, но он разрушал.

Как только возникли Индия и Китай, стало ясно: 10 лет они проковыряются, 20, 30 лет — неважно. Рано или поздно они вырастут, если их не развалить. Ну вот, они и выросли — что выросло, то выросло. Выросли здоровенные державы. Евроцентричный мир кончился, и как в этом мире американцам удерживать власть? Никак!

Они могут либо использовать двойную стратегию: «Печатаем деньги, на эти деньги делаем авианосцы, а авианосцами диктуем всем остальным, чтобы они эти деньги кушали», либо они должны сдать власть. У них нет внутренней машины увеличения собственного экономического потенциала.

Трамп — это последняя такая ласточка, очень оригинальный человек, кстати, абсолютно нетипичный для американской политики, это такой игрок. Впервые за многие десятилетия на арене мировой политики появился настоящий игрок, это очень много сулит. Так вот, Трамп — это последний, кто хочет поднять мощь США. Вот этот рэкет весь: дайте нам здесь деньги, дайте здесь — это попытка реально раскрутить заново американский экономический потенциал. Но это невозможно.

Дмитрий Куликов:

Тогда остается одно — если свою мощь поднять невозможно, тогда...

Сергей Кургинян:

Надо опускать других.

Дмитрий Куликов:

Мы продолжаем разговор с Сергеем Кургиняном. Записался Максим Юшин первым.

Максим Юшин:

Да, я записался. Даже вопрос другой хотел первым задавать, но, откликаясь на то, что Дмитрий вспомнил о дочери основателя компании Huawei, задержанной в Канаде по запросу США, здесь есть серьезный вопрос, в чем-то философский, в чем-то геополитический. У нас же тоже сейчас Мария Бутина в Америке арестована, суд над ней состоялся, она неожиданно признала вину, неожиданно для многих.

Здесь три объяснения, три модели, варианта поведения. Первая — это то, что озвучил наш МИД: пусть она сейчас выбирает любую линию защиты, мы это понимаем и принимаем, она находится, безусловно, в тяжелых условиях, нам главное вызволить ее оттуда, а потом разберемся. Всё, мы понимаем: вполне человеческая, гуманная позиция.

Вторая точка зрения — оставаясь там, не признавая вину (притом что в России большинство людей, я думаю, убеждено, что и вины-то никакой нет, по большому счету), она бы могла стать национальной героиней. В конце концов, [могла бы] объявить голодовку, как Савченко или Сенцов. Отстаивала бы свои права, тут были бы митинги у американского посольства. С другой стороны, тут тоже понятно — жизнь одна, вернулась бы она лет через 15, с подорванным здоровьем в этих не совсем гуманных условиях, и что? Лучшие годы жизни были бы потрачены вот там.

Третий вариант — как раз как с дочерью основателя компании Huawei, если бы российское государство повело себя как китайское. Что сделали китайцы? Задержаны двое канадцев в Китае под предлогом не самых очевидных обвинений. Тем не менее они задержаны. Все понимают, что они тоже взяты в заложники, как эта женщина в Канаде. Китай выступил жестко, на грани или за гранью фола в защиту своей соотечественницы. Дальше посмотрим, что получится. Примерно три модели поведения я расписал.

Какая из описанных трех моделей поведения ближе Вам, и какую бы Вы поддержали?

Сергей Кургинян:

Мы живем в XXI веке, и я далеко не убежден, что сегодня российские спецслужбы по отношению особенно к таким героиням, как Савченко, не ведут себя гораздо мягче, чем американские спецслужбы по отношению к женщине, которую Вы упомянули.

Максим Юшин:

Я об этом тоже думал, кстати говоря, формулируя этот вопрос.

Сергей Кургинян:

Поэтому я вообще не берусь комментировать, какие средства использованы для того, чтобы добиться тех или иных ее показаний.

Эпоха героических сжатия зубов и терпения под физическим воздействием кончилась. Применяются химические вещества, против которых... против лома нет приема. В этом смысле я не знаю, что там было применено, и просто не берусь в этих догадках купаться. Я только знаю, что мы понимаем, что делается в соответствующих тюрьмах американских, и как именно жестко ведут себя американцы, когда им это надо. Поэтому я не могу ничего сказать об этой женщине, под каким давлением она находилась. Может быть, под не очень сильным, может быть, под очень сильным. У меня нет по этому поводу никаких данных.

Что касается китайцев, то тут я что-то себе представляю. Я с огромным интересом всегда относился вообще к китайской цивилизации, много достаточно бывал в Китае, говорил там на самых раз-

ных уровнях. Мой отец — историк. У него был такой близкий друг, Юрий Мисакович Гарушанц, у которого тоже было значительное число друзей. Он был сам китаистом, и китаисты с ним дружили. И там вот этот разговор...

Я считаю, что этот апокриф достоверен — что когда Хрущев предложил Мао Цзэдуну осудить культ личности Сталина, Мао Цзэдун сказал, что «мы не можем это сделать — мы потеряем лицо». Хрущев с недоумением сказал: «Что? Какое лицо? Мы вам еще оружия поставим!» Он [Мао Цзэдун] говорит: «Да нет. Мы же потеряем лицо. Когда мы потеряем лицо — мы потеряем власть». Дальше он сделал паузу и сказал: «А зачем нам власть, если мы потеряем лицо?»

И вот эта потеря лица для китайской традиционной политики значит очень много. Это не исключает любых хитростей, любых улыбок, любой гибкости в отношениях, если это нужно Поднебесной, то есть китайскому государству. Но это никогда не забывается. И когда речь идет о потере лица, ничто не может оправдать этой потери. Как в глазах народа, который к этому относится очень остро, так и в глазах собственной элиты, так и в своих собственных метафизических глазах.

Поэтому когда поведение Канады, да и американцев тоже, МИДом КНР названо «омерзительным», то я надеюсь, что в Америке есть еще китаисты, которые объяснят американцам, что использование этого слова в Китае официальной инстанцией означает примерно в тысячу раз больше, чем любая терминология в современной России. У нас все-таки существенно постмодернистская элитная культура, когда за слово не слишком отвечают. В Китае этого нет.

Максим Юшин:

И в десять тысяч раз больше [в Китае значит слово], чем то, что Трамп пишет в своем твиттере.

Сергей Кургинян:

Да, это другое. Само слово «возмутительно» или «омерзительно» (я думаю, что переведено верно с китайского) — это очень большая разница. Поэтому, я думаю, что китайцы отнеслись к этому... Вы понимаете, это Поднебесная может брать дань со всех. Ей привозят и приносят дань, но чтобы с Поднебесной обращались так, как будто Средние века, и это такие заложники, которых мы берем и делаем, что хотим... Мне сомнительно, что китайцы на это согласятся. Если будет выгодно, может быть, согласятся, но, как они говорят, иголочками на уголках глаз» отметят это на следующие 250–300 лет. Они это запомнят: это другая цивилизация, это другие нормы. И так с нею обращаться, с моей точки зрения, опрометчиво.

Опрометчиво относиться к другим, как к себе. Вот эта проекция своих цивилизационных норм на другие культуры — она очень опрометчива. И это американское свойство, у британцев этого нет. Они всегда понимали, что Индией можно управлять, только понимая — это ислам, это — другое. Редьярд Киплинг являлся еще одним из создателей так называемой этнической разведки, которая должна была там ходить и в чалме, и как угодно еще.

Зигмунд Дзенчаловский:

У американцев это тоже есть, между прочим. Потому что на закате войны они...

Сергей Кургинян:

Зигмунд, могу вам одно сказать. Я не понимаю сегодняшнюю американскую элиту. Последние, кого я хорошо знал, это когда я был руководителем Центра стратегических исследований при Совете министров

СССР, я понимал, зачем я веду диалог. Это были Джон Мрос, Кондолиза Райс, Збигнев Бжезинский, Киссинджер и другие. Их мы понимали хорошо. Мы понимали, что это такое, и кто из них что понимает.

А что такое сейчас американская элита, насколько она сильно изменилась, я не знаю. Может быть, она чему-то научилась, и она этот кросс-культурный анализ способна проводить, а может быть, она считает, что гнуть свою линию — это и есть самое хорошее. Против лома нет приема. Взял лом, показал и все сказали: «Ой-ой-ой». Я не знаю, как сейчас ведет себя американская элита, конкретная.

Зигмунд Дзенчаловский:

Это интересно — то, что вы сейчас сказали. Как вы помните, у американцев на закате войны была попытка разобраться, по каким законам живет японское общество. Есть известная книга «Самурай и меч» Маргарет Мид (имеется в виду книга «Хризантема и меч» Рут Бенедикт — прим. ред.), которая опрашивала японских военнопленных и интернированных японцев на западном побережье.

Дмитрий Куликов:

Ну и как, разобрались?

Зигмунд Дзенчаловский:

Книга является антропологической классикой сейчас. И она дала американскому истеблишменту какое-то понимание, как им потом обустроить жизнь в Японии. Вы же говорите, что новая и элита, и Вы сейчас этого не понимаете, учитывают ли они необходимость читать эти культурные коды.

Сергей Кургинян:

Эти антропологи в штатском — их так называли: не советологи, а антропологи в штатском, — они, конечно, существуют, мы их опять видим, но они какие-то все легкомысленные. Такая эпоха усмешки.

Дмитрий Куликов:

Я тут прочел доклад «РЭНД корпорейшн». «РЭНД корпорейшн» по заказу Пентагона 150 страниц написали. Там перевод сложный — что является той силой, на которую опираются нации, которые не сдаются в войне... как-то так. Грубо говоря, они на 150 страницах исследовали, почему русские не сдаются. Такое исследование уже проведено. Очень интересный материал, я вам скажу. Они ничего не поняли про это. Ничего! И слава богу. Я также понимаю, что в Америке есть, например, такая служба уникальная. Она знает, как называется? Социокультурная разведка, то есть бирки все есть, а вот есть ли знания — это большой вопрос, это выяснится потом. Но, Зигмунд, раз начали говорить, задавайте вопрос.

Зигмунд Дзенчаловский:

Да, я не могу не обратить внимания на то, что мы про какие-то проблемы и вопросы говорим на совершенно других языках. Но возьмем Украину. Я приезжаю из страны, приезжаю из той части Европы, где ситуация с Украиной описывается совершенно другим языком. Я не буду это воспроизводить, потому что всё это вам понятно, но вот мы употребляем тот же термин — «провокация», имея совершенно разные вещи в виду, правда?

Вы видите какие-то возможные точки соприкосновения в каком-то будущем неотдаленном, или мы так и будем стоять упрямо на своих позициях, и никакое решение не найдется?

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 4–5

Сергей Кургинян:

Бжезинский был очень умным человеком, очень умным. И понимал он всё именно как поляк. Но он же не только поляк! Если я говорю здесь с вами на польском языке, то он же из франкистской семьи, его предки — поклонники Якова Лейба Франка, поэтому вопрос о том, из какого именно разряда польского общества он. Он из особо радикальной части общества, которая, например, особо ненавидела Израиль, и Бжезинский это никогда не скрывал. Он всегда, в отличие от Киссинджера, говорил о том, как просто управлять миром, если этой страны не будет. Но внутри всего, что думал Бжезинский, существовал этот ход в каком-то смысле польский, то есть более тонкий.

Я одновременно должен сказать, что, конечно, я ценю школу Джорджаунского университета, который иезуитский, или Фортгейма, который совсем иезуитский. Там есть тонкие достаточно подходы. Говорить, что американцы связаны только с тупой англосаксонской культурой, нельзя.

Поэтому когда вы говорите о том, говорим ли мы на разных языках, говорим ли мы на разных пропагандистских языках, говорим ли на разных социокультурных языках... Вот Вы сказали: «Социокультурный». Был такой, я не знаю, для меня он есть такой выдающийся, израильский культуролог Айзенштадт... Вот есть такие вещи, связанные с представлением о социокультурных кодах. Вот есть геном обычный, в нем есть коды, есть программа в машинах, а есть социокультурные коды. Вот что такое русский социокультурный код? Что такое цивилизационные коды польские, например? И так далее. Вот это всё...

Дмитрий Куликов:

Но Выготский или Данилевский до него это всё написали?

Сергей Кургинян:

Но вот кодами, уже кодами, кодификациями началась вот эта школа социологическая, она очень интересная, поэтому вопрос сейчас заключается в том, говорим ли мы на интеллектуальном языке или на языке пропаганды.

Когда я разделяю провокацию и отжимание (не хочу сказать «отжим»: у нас это имеет другое значение, а отжимание)... На отжимание нельзя не реагировать. «Не поддавайтесь на провокацию!» — это классический вопль. «Зачем же вы поддались на провокацию?» То, что происходило в Черном море, а я подчеркиваю — в Черном, не было провокацией, на которую можно было не поддаться. Это было отжимание, после которого будет следующее отжимание и еще одно. Заметьте, что до этого начался разговор о том, что Азовское море... русские его захватывают, тыр-пыр — восемь дыр. До! Потом началось это отжимание, а после этого начался вопль о том, что, боже мой, давайте мы что-нибудь сделаем на Азове. Что можно сделать на Азове? Нельзя же пройти через Керченский пролив, если мы этого не захотим, правда? Значит, это можно делать по суше. Тогда говорится: давайте эту сушу приберите к рукам, и тогда всё будет хорошо, тогда отжима не будет, но тогда будут санкции, уже другие, и мы введем тогда войска НАТО на большую часть территории, понимаете, да? Это классический британский метод отжима такого.

Дмитрий Куликов:

Ему нельзя потворствовать.

Сергей Кургинян:

На него нельзя не отреагировать. К горлу бульдог, так сказать, взял, чуть-чуть дальше. На него нельзя реагировать так, как

на провокацию: «Боже, зачем вы поддались на провокацию Порошенко?» Да не провокация это! Это отжимание. Не поддашься на это, будет следующий шаг, потом еще шаг, обязательно. Если нужно довести до реакции, то до нее доведут.

В этом смысле ситуация действительно опасная. Если действительно украинская политика находится на том субподраде, о котором я говорю, а это происходит так, как описано, значит, надо ждать реального обострения. И когда мне каждый раз говорили: «В серую зону зашли два танка, о ужас!». Или четыре. Я говорю: «Конечно, ужас». Выстрелили — ужас, но это не начало большого конфликта. Когда теперь я вижу, где стоят группировки, и сколько их стоит, и как их подтянули, а одновременно — всё остальное, я говорю: «50 на 50: может, у этого странного человека хватит ума понять, что он есть спичка, которую зажгут, но спичка горит точно. А может, у него уже нет этого ума, он находится под полным диктатом. Тогда — возможно...

Дмитрий Куликов:

Но судя по тому, как он кричал в эфире: «Мистер Путин, это война»... Вы как режиссер и в каком-то смысле психотерапевт, что Вы про это можете сказать, Сергей Ерэвандович?

Сергей Кургинян:

Ну как, что я могу по этому поводу сказать? Это пограничное состояние. Я же не могу больше сказать. Это пограничное состояние человека, который запутался, который попал в ловушку, потому что он считал просто, что он получит все вкусности от американцев за антирусскую позицию, а от русских не получит ничего. Потому что американцы, в понимании этой [украинской] элиты, русскими управляют, поэтому русские будут давать газ дешевый, будут терпеть всё что угодно, будут послушно делать то, что американцы говорят. А они будут кричать: «Русские — плохие», а им за это денежки будут отстегивать. В этом была идея. Теперь он понял: денежки не денежки — непонятно, но русские ведут себя не так, как он думал. Совсем не так, у него сломан шаблон. Они еще надеются на это поведение, и для этих надежд есть основания. Но шаблон сломан. А человек, у которого сломан шаблон, находится в состоянии транзита психологического. Не могу назвать его сумасшедшим, но он в пограничном состоянии.

Дмитрий Куликов:

Как говорила классика нашего кинематографа, «типичный delirium tremens». Искандер, прошу Вас.

Искандер Хисамов:

Я думаю, что говорить о том, что к Порошенко применимы слова delirium tremens и так далее, — это немножко упрощение ситуации.

Дмитрий Куликов:

Нет, это просто шутка. Ситуация гораздо сложнее.

Искандер Хисамов:

Мне кажется, он весьма адекватен.

Вы сказали ключевое слово «постмодернизм» здесь, которым объясняются многие вещи, в частности, этот «рейд великой армады». Они доказали, что не нужны авианосцы, чтобы разрушить встречу Трампа с Путиным, новые санкции и так далее. Мы говорим о постмодернизме, когда они изукрасили Бабченко свиной кровью, а теперь огромные последствия. Журнал Times записал его в лучшие люди человечества.

Наш коллега сказал, что мы не понимаем, мы не слышим друг друга, на разных языках говорим. Да какие могут быть, к чертовой матери, разные языки? История с этим самым Бабченко... Здесь тупая машина, которая удушает Россию, удушает, как Вы говорите, сжимает и так далее. Эти социокультурные коды, это всё уместно только в другой обстановке, как мне кажется. А обстановка для России сейчас драматическая. Здесь применяется инструмент и современного искусства, подходов и прочее, плюс тупой нажим.

Кстати говоря, насчет боевых действий, которые предполагаются, прогнозируются, возможны. Я думаю, что этого не будет, потому что им достаточно постмодернизма. Им достаточно показать это всё, чтобы мир встал на уши, Россия была опять виновата во всем и так далее. Процесс удушения происходит.

Вы говорите, что Россия не сдастся? То есть не Вы говорите, а «РЭНД корпорейшн», когда утверждает на 150 страницах, вся история об этом. Бывали такие моменты, когда сдавались. В девяностые годы сливали, и сейчас есть такой шанс. Ответы России меня лично пока не убеждают. Захватили эти суда и там аккуратно обходятся с этими товарищами, несмотря на то, что уже и Трамп просит выпустить. Но все-таки я пока не вижу системной работы России по купированию и отражению этих угроз. Может быть, скажите мне, пожалуйста, это я немножко в панике пребываю, или, может, это дело таким образом обстоит?

Сергей Кургинян:

То государство, которое сейчас создано на обломках Советского Союза, мы всячески его охраняем, потому что в какой-то момент нам показалось не без оснований, что мы можем вообще всё потерять, включая этот плацдарм. Плохой он, хороший — я много сказал критического по его поводу и ни от чего не отказываюсь. Но мы его охраняем просто потому, что «хоть и ретроградно», — говорил герой Достоевского, — а всё же лучше, чем ничего». Да? Понятно. Значит, это государство есть. Оно по-прежнему сейчас, как и в предыдущую эпоху, создано для вхождения в Европу и на Запад. Для интеграции. Не для конфликта с западной цивилизацией оно создано. Оно создано для вхождения. Его язык — вхождение. Победившая элита — вхожденцы, и это касается всех актуальных элит: как прозападных, то есть готовых к далекоидущим последствиям, так и более патриотических — всё равно это вхожденцы. Это люди, которые хотят входить. Да? Вот поскольку отец мой как историк...

Искандер Хисамов:

А это что, не капитуляция?

Сергей Кургинян:

Сейчас я вам скажу. Отец мой как историк, был научным руководителем у такого деятеля КПБ СССР, вам, возможно, эта фамилия памятна — Цвигун.

Искандер Хисамов:

Конечно.

Сергей Кургинян:

Это был заместитель Андропова. Отец мой руководил кафедрой в довольно таком... не магистральном институте — Московский областной пединститут, а там очень любили представители этих профессий получать «поплавки», как они говорили, — высшее образование, или кандидатские [степени]. [Поэтому] я слышал лично об андроповском вхождении в Европу и новой политике этой начиная с середины

1970-х. Владимир Александрович Крючков, который после того, как вышел из тюрьмы, был очень близок со мной, он был моим советником до своей смерти, да, и всё прочее. Он мне говорил, что в 1979 году он пришел домой и сказал своей жене: «Катя, может быть, меня убьют. Я не поддержал объединение ГДР и ФРГ». Надо было знать Владимира Александровича, человека крайне сдержанного, и его замечательную супругу, чтобы понять, что такое такие слова на его языке, когда вообще каждое слово на вес золота. Я говорю: «Что, в 1989-м?» Он говорит: «Нет, в 1979-м». В 1979-м! Уже все всё знали: Вольф, Мильке, что вот это объединение маячит на горизонте, понимаете?

Искандер Хисамов:

Это еще брежневское время было?

Сергей Кургинян:

Да! Да. А потом говорит, «в 1983-м шеф ко мне приехал (он был тогда начальником Первого Главного управления), шеф ко мне приехал и говорит: «Возьми на себя всю политику, а я отказался в этом вопросе брать на себя политику». Я говорю: «А почему?» — «А потому что в какой кабинет ни войдешь, все говорят — надо объединять». Вот это вхожденчество, условно андроповское, андроповско-куусиненовское и так далее, — это одна из долговременных констант.

Государство это создано как вхожденчество. Я знаю ныне действующих и в советскую эпоху весьма авторитетных, преуспевающих абсолютно и в бизнесе, и везде, представителей госбезопасности нашей, которые говорят, что если не удастся реализовать путинский проект вот этого державного воссоединения, то лучше застрелиться. И это тоже не люди, которые бросают слова на ветер.

Огромный синдром вхождения существует в той элите, которая, прощу прощения, развалила СССР. Не без помощи Запада, но и со своим участием, и мы это понимаем, да? И она считала, что она войдет в Европу. Смотрите, какой красивый проект: входим — главная ядерная держава, да? Сырье объединяется с промышленностью, колоссальная мощь, да? И мы получаем то фактически, о чем мечтал Коминтерн, да? Это же вот эта линия! Эта линия, я не могу передать это просто в коротком таком монологе, но она носит характер суперидеи, понимаете? Когда в голову что-то вбили — сверхценность, суперидея. И отказаться от этого элита не может, поэтому мы всё время существуем на смешанном языке. Вся политика есть микс. С одной стороны, в средствах массовой информации справедливо говорится по поводу американской сегодняшней линии бог знает что, с другой стороны [говорится]: «Наши партнеры, они опамятуются, а потом что-нибудь будет... С Трампом что-то будет, а вдруг без Трампа что-то будет, а смотрите опять, какие тенденции...» Понимаете? Пока не будет отказа от вхожденческой парадигмы, никакой последовательный курс невозможен.

Искандер Хисамов:

А какой ваш прогноз?

Сергей Кургинян:

Мой прогноз — что это произойдет в течение ближайших двух лет под давлением обстоятельств.

Искандер Хисамов:

Да.

Сергей Кургинян:

Мы откажемся по факту.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Дмитрий Куликов:

Некуда просто войти будет и всё?

Сергей Кургинян:

Некуда войти — это будет абсолютно заперто. Тогда наступит время переоценки ценностей, смены матрицы, смены всей стратегической парадигмы. Оно наступит не потому, что элита этого захочет, а потому что реальность мощнее даже самых мощных элитных мифов. А реальность заставит это сделать.

Дмитрий Куликов:

Я согласен абсолютно с Сергеем Ервандовичем в плане реальности, что естественные процессы сделают то, что не создается искусственными. Но я бы в своем языке добавил бы еще одно: если Вы правы, и это произойдет (а я думаю, что вероятность очень высока в разрезе ближайших двух лет), то на позитивном языке я бы сказал, что тогда России нужно будет окончательно осознать себя отдельной цивилизацией.

Сергей Кургинян:

Скалой!

И вот тут я бы хотел отреагировать на очень интересные слова о постмодернизме. Это же означает, что Европа повернула вот так... Куда мы входим? Мы входим в Европу модерна или в Европу постмодерна, где ничего нет? Где морали нет, где заявили о конце истории. Что, еврейский народ согласен на конец истории без прихода Мессии? Конец истории состоялся, — сказал Фукуяма. Конец проекта Человек, конец гуманизма — это мы в эту Европу входим? Она же такой не была! «*Каким ты хочешь быть Востоком, Востоком Ксеркса или Христа?*» Какой ты хочешь быть Европой — Европой Мольке или Фукуямы? Это же тоже вопрос, правда?

Дмитрий Куликов:

Это тоже вопрос, но я почему дополнил про цивилизацию? Я бы с такими словами, как «сдавались» и «капитуляция» был бы поаккуратнее. Надо помнить о своей истории, Кутузова ведь тоже обвиняли в том, что он капитулянт — Москву-то сдал. А что обсуждали в 1941 году про власть большевиков? Сейчас архивы открыли, и очень хорошо, что всё опубликовали, всё это было не придумано про предателей. А про 90-е годы... Понимаете, это они подумали, что мы сдались. Потому что помутнение мозгов сильное у нас действительно было, и отсутствие рефлексии, что мы делаем, точно было. А вот насчет сдались...

Сергей Кургинян:

Можно я здесь скажу два слова, это очень важно, мне кажется. Если бы один раз они ударили по какому-нибудь скоплению танков или аэродрому, то ровно через месяц русские были бы в Лиссабоне и Мадриде, и никто бы не удержал. Но они ударили по человеку. Они создали придуманный комплекс вины у русских, и этот придуманный комплекс вины создавали антропологи.

Дмитрий Куликов:

Точно.

Сергей Кургинян:

И мы знаем подробно, как это создавала французская школа, кто именно из постмодернистов и тех, кто были с ними связаны во Франции, этим занимались. Не Кожев один этим занимался, этим занималась целая школа. Мы знаем, кто это создавал и в каких именно центрах. Это были высокие интеллектуалы.

Дмитрий Куликов:

Но Кожев-то реально разобрался с природой власти.

Сергей Кургинян:

Неважно, он был неогегельянец. Это очень длинный опрос: ударили в человека, разрушили человека. Это новое оружие, которое они применили впервые. Ответом на это может быть только системное восстановление человека на новых основаниях.

Дмитрий Куликов:

Точно.

Сергей Кургинян:

Тогда нужно признать многое.

Зигмунд Дзенчаловский:

Вы уже строили советского человека, еще раз будете его строить?

Сергей Кургинян:

Минуточку. Мы не строили советского человека.

Скажите, Зигмунд, Вы верующий человек?

Зигмунд Дзенчаловский:

Не очень.

Сергей Кургинян:

Тогда скажите, для Вас человек — мера всех вещей?

Зигмунд Дзенчаловский:

Для меня человек — это очень важно.

Сергей Кургинян:

Человек — это мера всех вещей? Какой человек — средний, какой? Только Человек с большой буквы!

Дмитрий Куликов:

Вы же постмодернисту вопрос задаете!

Сергей Кургинян:

Что такое Человек с большой буквы? Человек с большой буквы — это то, к чему восходит человек. Так это и есть коммунистический новый человек! О каком проекте коммунизма Вы говорите? О проекте, когда было сказано о росте материального благосостояния трудящихся Хрущевым? Хрущев сломал коммунистический проект, и Эрих Фромм, один из самых ведущих психологов Запада, сказал, что это — гуляш-коммунизм. И когда я разговаривал с представителями датскими, то не знал, как перевести слово «гуляш» на английский. А они говорят: «Не надо. Во всем мире «гуляш-коммунизм» — это общий термин».

Так вот, проект гуляш-коммунизма рухнул, а проект нового человека или будет восстановлен, или будут жить без гуманизма везде: в Польше, в Германии, в Америке. Вы хотите жить без гуманизма? Я не хочу.

Зигмунд Дзенчаловский:

Я хочу без нового человека жить. А зачем мне он?

Дмитрий Куликов:

Сергей Ервандович, дело даже не в постмодернизме, всё проще. Дело в обществе потребления. Оно же, кстати, вон там, во многом во Франции бунтует, вот, двигает, вон, прямо, его представляет...

Сергей Кургинян:

Да черт его знает.

Дмитрий Куликов:

Да нафига мне этот гуманизм?

Сергей Кургинян:

Я, например, не разобрался настолько.

Дмитрий Куликов:

Этот гуманизм мне нужен? Вы же только что сказали, что не нужен. Вы только что сказали, что не нужен.

Зигмунд Дзенчаловский:

Новый человек, которого будем строить, будем объяснять людям, как они должны соответствовать модели нового человека.

Сергей Кургинян:

Восходить-то куда будем?

Дмитрий Куликов:

Зигмунд, спасибо!

Зигмунд Дзенчаловский:

Будем жить.

Сергей Кургинян:

Религиозные [люди] — к Богу.

Зигмунд Дзенчаловский:

Будем жить, будем жить по каким-то нравственным законам.

Сергей Кургинян:

А светские [люди] куда восходить будут? Не будем восходить — будем нисходить! Будем нисходить — конец всему!

Зигмунд Дзенчаловский:

Но рано или поздно, рано или поздно...

Сергей Кургинян:

Ваш Гротовский это прекрасно понимал!

Зигмунд Дзенчаловский:

Но рано или поздно...

Дмитрий Куликов:

Зигмунд, Зигмунд, я...

Вообще у Вас, конечно, техника поставлена шикарно, да? Потому что Кургинян выразил очень важную мысль про то, что ударили в человека, и что произошло с нашим человеком, потому что на материале девяностых...

Понимаете, я это у себя вчера на радио обсуждал. Нас победить невозможно, если мы уверены в том, что наше дело правое. Кстати, сталинский лозунг был очень глубоким: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!». И на первом месте стояла вот эта фраза: «Наше дело правое». И дело не в том, что мы должны верить, что наше дело правое, мы должны знать, что наше дело правое. Если русский, многонациональный русский знает, что наше дело правое, ты с ним ничего не сделаешь. А весь феномен, который Кургинян описывает, от семидесятых до конца девяностых и даже начала 2000-х, заключается в том, что нам навели ложные знание о том, что мы неправы, исторически неправы. И это удар по русскому Человеку с большой буквы. Это невероятно важно — то, что...

Сергей Кургинян:

Это комплекс вины.

Дмитрий Куликов:

Да. Это невероятно важно — то, что обсуждает Кургинян, потому что через это было построено всё управление нашей деградацией.

Сергей Кургинян:

Теперь я хочу спросить. Вот был очень крупный польский деятель — Иоанн Павел II, Войтыла, да? Он сказал, что это всё цивилизация смерти. Это он испугался того, что восхождения не будет! Он участвовал в развале СССР, потом страшно испугался. Так вот, Польша хочет войти в цивилизацию смерти, цивилизацию постгуманизма? Поляки обеспокоены тем, что они превращаются в один из центров вторичного рока, так сказать, сатанинского типа, упрощенного? Кто-нибудь в Польше считает, что следом за десоветизацией не пойдет дехристианизация?

Дмитрий Куликов:

А она уже идет вовсю.

Сергей Кургинян:

Оно уже видно, что она идет, идет вовсю.

Александр Сосновский:

Когда еще представится возможность попытаться знаменитого Кургиняна, поэтому я, конечно, воспользуюсь возможностью этой и задам вопросы, которые будут лежать в области философии и в области театра, потому что Вы сами дали хороший повод.

Вы сказали, что Трамп — это игрок. Ну, игрок — это не только игрок-футболист, это еще игрок, подразумевается, что он еще и великий артист. И меня здесь интересует Ваш ответ на вопросы о том, есть ли вообще сейчас какие-то различия между консерватизмом и либерализмом, и вообще, что различает эти два понятия? Я очень коротко объясню. Если мы возьмем, скажем, взаимоотношения России и Америки, приходит консерватор в лице Рональда Рейгана и договаривается с Россией о чем-то, что при демократах было невозможно себе представить. Приходит потом нобеленосец Обама от лица демократов, который привносит в наш мир все те войны, в которых мы сейчас живем: и «арабскую весну», и прочая, и прочая. И если взять сейчас Германию, в которой я живу и из которой я приехал, то получается, что те, которых мы называем в Германии правыми... Ну, правые — это не то, что в России правые...

Сергей Кургинян:

Да, да.

Александр Сосновский:

А те, кого мы называем в Германии правыми консерваторами, они выступают за более нормальные взаимоотношения, за миролюбивую политику, за нормальные отношения с Россией, за нормальные взаимоотношения в Европе. А те, которых мы называли либералами, — зеленые, свободные демократы, — они вдруг становятся резко агрессивными, у них совершенно по-другому построена риторика, они используют совершенно другие слова. Ну, например, мой друг Зигмунд. Вот мы с ним очень часто спорим, очень часто говорим. Он говорит либеральные слова, я говорю консервативные слова. Но то, что он говорит, ведет нас к войне, а то, что я говорю, ведет нас к каким-то договоренностям.

ВОЙНА ИДЕЙ

Кто-то «в верхах» вообразил, что сейчас самое время запустить провоцирующий обострение в обществе «белый проект» и, как часть его, проект «Великие имена России»

Мастерство провокации

Жорж Дюмениль де Латур. Гадалка. Вероятно 1630-е

В октябре 2018 года россияне, большая часть которых пребывала к тому моменту в растерянности и злобе от неуклонной решимости властей ограбить их с особым цинизмом, а именно лишить пяти пенсионных лет, получили «уникальную» возможность заняться важным государственным делом. Им предложили придумывать и выбирать имена аэропортам! Оказывается, 47 аэропортов просто «кушать не могли», так хотели избавиться от своих скучных имен, данных некогда «по каким-то там деревням!» Оказывается, есть мировой тренд — давать аэропортам звучные имена прославленных соотечественников, и России стыдно быть не в тренде. Стыдно оставаться лапотниками деревенскими и держаться за свои Домодедовы, Кольцовы, Колпашевы и прочая. И даже за Пулково стыдно, даром, что имя напрямую отсылает к знаменитой обсерватории, действующей аж с 1838 года, а так-

же к Пулковским высотам, прославленным в сражениях за Отечество. Это всё нам пустое. Нам бы в тренде быть! В него, говорят, с деревнями никак — это, как нынче говорят, «тундра». Ну, а как там обходится крупнейший в мире терминал Хитроу, получивший имя в наследство от разрушенной ради его построения деревеньки Heath Row, — пропаганда умалчивает...

Так вот, о пропаганде. Совершенно очевидно было с самого начала (и даже известно — это был воистину секрет полишинеля), что затея с аэропортами имела целью отвлечь граждан от неприятных «пенсионных» раздумий. Занять их невинным делом. Полезным со всех сторон. Не только с психотерапевтической, но и, надо полагать, с познавательной: ведь граждане, выбирая и следя за ходом голосования, приобщаются к истории и культуре края — вот ведь как хорошо! То, что на фоне лишения этих граждан социаль-

ных гарантий данное «успокоительное» занятие таковым не будет, и что вообще впадут в соревновательную горячку очень немногие — такая немудреная мысль кремлевских технологов почему-то не посетила. Да, может, она и не важна была? Ведь имея административный ресурс, изобразить бурную деятельность по проведению мероприятия и якобы небывалую его популярность не так уж и трудно. При этом освоив кучу денег, традиционно отваливаемых на помпезные проекты. А провалить подобное гламурное начинание, если это «ноу хау» спущено напрямую из президентской Администрации, априори невозможно. Так что и впрямь, куда лучше!

Однако не будем цинично клеветать на авторов проекта, все, возможно, было не так обреченно и не так скучно. У устроителей, как становится ясно при детальном взглядывании в особенности проведения данного конкурса, были особые пиар-за-

думки, так позволяющие вовлечь активный электорат. И электорат, хотя начало этого никак не предвещало, в результате вовлекся! Но об этом чуть позже.

Итак, конкурс «Великие имена России» для 47 воздушных гаваней объявили и стали пропагандировать. Как идущую снизу, через Общественные палаты регионов в ОП РФ, инициативу. Сразу заметим, низовых инициатив поступило — по пальцам одной руки пересчитать, и по этой руке сразу было получено — показательной реакцией на реально низовое предложение омичей назвать аэропорт именем любимого в городе андеграундного музыканта Егора Летова. Предложение низов было тут же гневно отмечено верхами: последовало невразумительное объяснение министерства культуры В. Мединского, почему нельзя (как утверждают злые языки, сопровождаемое нервным тиком). И более об оригинальных пожеланиях народа слышно

